ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
в письменных и археологических источниках

Материалы международной научной конференции
Москва, 13—14 октября 2016 г.

Москва
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С75

При поддержке
Российского исторического общества

Утверждено к печати Учеными советами
Института археологии РАН,
Института российской истории РАН

Ответственные редакторы:
Л.А. Беляев, Н.М. Рогожин
Редакторы:
И.И. Елкина, С.М. Шамин

С75 Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН. – М., 2016. — 256 с.

ISBN 978-5-8055-0308-6

В издании публикуются материалы, подготовленные к научной конференции, которая пройдет 13–14 октября 2016 г. в Москве. В рефератах и тезисах докладов участников конференции подняты проблемы отражения личности человека средневековья в исторических и археологических источниках. Книга предназначена историкам, археологам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8055-0308-6

© Институт археологии РАН, 2016
© Институт российской истории РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

и не доказанных слов Ингельгарта и высокомерного отношения другого иностранного доктора, С. Коллинса, к Фунгаданову, которого мемуарист называет «жидом», видимо, не воспринимая всерьез крещение лекаря. Тем не менее поскольку все свидетели высказались в пользу выкреста-медика и удостоверили, что он является уважаемым членом протестантской общины, следствие было закрыто за отсутствием состава преступления и продолжения не имело. Таким образом, клеветническая кампания, развернувшаяся против лекаря Аптекарского приказа Даниила Фунгаданова в 1665 г., из-за которой он мог поплатиться головой, окончилась для него без каких-либо негативных последствий; более того, через некоторое время, как мы знаем, Фунгаданова ждало повышение в карьерной лестнице. Вполне возможно предположить, что данное событие в жизни медика подтолкнуло его к скорому крещению в православие, и между двумя этими фактами имеется определенная причинно-следственная связь.

Ченцова В.Г.

Данил Калугер/Даниил Грек/Даниил Оливеберг: неизвестные страницы биографии политического агента эпохи Богдана Хмельницкого

Одним из самых известных доверенных лиц и дипломатов запорожского гетмана Богдана Хмельницкого стал грек Даниил из Афин. В начале своей карьеры он был известен под именами архимандрита или «аббата» Даниила, Даниила Афинского, Данила Калугера (от греч. καλόγερος — монах), а позже стал называться Оливебергом, «Oliveberg de Graecani», получив это имя и герб от шведского короля Карла X Густава вместе с земельными владениями за службу шведскому двору (Knös B. Un délégué grec au service de la diplomatie suédoise au XVIIe siècle //L'Hellénisme Contemporain (2e sér.). 1956. T. 10. P. 418—454; Федорук Я. О. Два листи архімандрита Данила Афінського і грека Федора Дмитриєва до царя Олексія Михайловича у 1656 році //Український археографічний щорічник (Нова серія). 2009. Вып. 13/14. С. 475—510).

Считалось, что сочинение архидьякона Павла Алеппского, описывавшего пребывание патриарха Макария Антиохийского в Киеве летом 1654 г., является самым ранним свидетельством начавшейся де-

ятельности Даниила Грека в роли дипломата и информатора-посредника. Павел назвал его «отец Илия», указав, что этот священник, «грек родом, живущий в городе Париже, во Франции», приехал от шведской королевы к «гетману Хмелю» — Богдану Хмельницкому — с предложением военной помощи (Павел Алеппский, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 2005. С. 169—170). Несмотря на иное имя, которое Павел Алеппский дал новому знакомому, «отца Илию» легко отождествить с Даниилом Греком, тогда же, в июле, отправившимся из Киева через Москву в Стокгольм.

Прибыв в Швецию в сентябре, Даниил Грек обнаружил, что его покровительница, королева Христина, отреклась от престола, а на трон взошел Карл X Густав, который еще не определился с политикой в отношении Речи Посполитой и Войска Запорожского. Даниил был вынужден долго ждать встречи с королем, которая состоялась лишь 31 октября. После приема он написал письмо в Москву, подробно, в форме диалога, описав происшедшую беседу с новым правителем Швеции (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 522; Ченцова В. Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654—1658. Документы. М., 2004. С. 56—62). Не исключено, что в это время Даниил, не уверенный в собственном будущем после отречения Христины, попытался найти себе нового покровителя в лице русского царя. Впрочем, довольно скоро шведский риксдаг и король приняли решение о начале войны с Речью Посполитой, и услуги Даниила, продолжавшего посредническую деятельность между Богданом Хмельницким и шведским королем, оказались вновь востребованы, а переход на службу царю не состоялся. В январе 1655 г. он вновь отбыл из Стокгольма с письмами к запорожскому гетману.

Если ранее были известны и публиковались лишь фотовоспроизведения греческих подписей Даниила на письмах из стокгольмского архива, которые он писал по-итальянски, то московское письмо целиком написано по-гречески и является прекрасным образцом для сопоставления его почерка с другими документами. Именно это и позволило обнаружить, благодаря отождествлению писца с Даниилом Греком, еще одно написанное им греческое письмо, отправленное из Парижа в римскую Конгрегацию Пропаганды веры (APF. SOCG. Vol. 289. Fol. 191^{r}—194^{v}). Письмо, датированное 2 мая 1653 г., оказалось в группе документов, связанных с пребыванием во Франции трапезундского митрополита Кирилла. Кирилл, рукоположенный на митрополию константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом, однако, вынужден был бежать от преследований «в Ме-

грелии», якобы, из-за своей приверженности католичеству. Не получив поддержки в Риме, он отправился в Париж, где, впрочем, судя по содержанию письма, написанного от имени константинопольского протосинкелла Даниила Грека и иерусалимского протосинкелла Иоанникия Корнаро, митрополита стали обвинять в распространении еретического учения патриарха Кирилла Лукариса, смешении латинских и православных обрядов, непризнании власти римского папы и даже в гомосексуализме. Письмо было переслано для обсуждения в Конгрегации папским нунцием во Франции Николо Гвиди ди Баньо, получившим его, видимо, от Даниила в Париже.

Этот документ проливает свет на самое начало карьеры Даниила. Во-первых, как оказалось, он прибыл в Париж в качестве протосинкелла константинопольского патриарха, судя по всему, Иоанникия II, поддерживавшего тесные связи с французским послом в Константинополе и католическими миссионерами. Ранее считалось, что Даниила вовлек в дипломатическую деятельность бывший польский подканцлер Иероним Радзиевский, в 1652 г. вынужденный отправиться в изгнание и нашедший пристанище в Стокгольме и в Париже. Не исключено, что с Радзиевским, который ранее был секретарем королевы Людвики Марии, Даниил познакомился через папского нунция, находясь в Париже изначально по церковным делам константинопольского патриарха. Нунций Николо Гвиди ди Баньо происходил из мантуанской семьи, тесно связанной с родом Гонзага, к которому принадлежала польская королева Людвика Мария. Весьма вероятно, что нунций был лично знаком с королевой, поскольку до начала своей церковной карьеры сам был женат на представительнице этой семьи. Не удивительно, что позже Даниил в своих политических проектах военных союзов против Османской империи воспроизводит планы Карла Гонзага, герцога де Невера, предка королевы, мечтавшего в начале XVII столетия о крестовом походе, который могли бы поддержать восставшие пелопоннесские греки (Федорук Я.О. Політика Англії і антиосманська діяльність Данила Калугера у 1655 році //Український археографічний щорічник (Нова серія). 2002. Вып. 7/10. С. 232—242). Польская королева как все де Неверы гордилась тем, что в числе ее предков были византийские императоры Палеологи. Не удивительно, поэтому, что представители греческой диаспоры оказываются в числе желанных гостей всех, кто связан с родом Гонзага во Франции.

Не случаен и тот интерес, который, судя по сочинению Павла Алеппского, Даниил проявил к некоему «ученому мужу, великому фи-

лософу лютеранского исповедания», привлекшего к себе много последователей как раз тогда, когда «отец Илия» находился в Париже. «Философ» начал «жестоко нападать на папу многими действиями», в том числе и написав в Рим некое письмо, чрезвычайно разгневавшее римского понтифика. Речь в этой истории идет вовсе не о «лютеранском исповедании», внезапно распространившемся в Париже в начале 50х гг. XVII в., а об осуждении янсенизма папой Иннокентием X в 1653 г. в ответ на «Письмо одинадцати епископов папе». Враги же янсенизма, в том числе богословы Сорбонны, обвиняли приверженцев учения Корнелия Янсения то в лютеранстве, то в кальвинизме.

Особую роль в распространении янсенизма во Франции сыграла семья Арно. Книга Антуана Арно «О частом причащении», опубликованная в 1643 г., произвела огромное впечатление на Людвику Марию в то время, когда она еще жила в Париже, а сестра автора, мать-настоятельница аббатства Пор-Рояль Мария-Анжелика Арно в течение долгих лет переписывалась с польской королевой. Таким образом, Даниил-«отец Илия» в Париже постоянно оказывался вовлечен в круг «дома Гонзага — де Невер» и польской королевы Людвики Марии, начав деятельность в политических интересах определенных кругов Речи Посполитой. Впрочем, восточноевропейские события являлись лишь частью более широких геополитических планов окружения Даниила Грека, которое не оставляло надежды на создание союза христианских государств для борьбы с Османской империей.

Николо Гвиди ди Баньо был титулярным архиепископом Афинским. Из Афин же происходил советник французского королевского двора и дипломат грек Леонардос Филарас, считающийся одним из первых борцов за освобождение Греции от османской власти. Возможно, Даниил каким-то образом оказаться связанным с Афинами именно благодаря этим парижским политикам или благодаря константинопольскому патриарху Иоанникию II. В московском письме Даниил называет себя архимандритом Преображенского монастыря Таос-Пендели близ Афин (ὁ ἐξ Ἀθηνῶν ἐξ-ἀρχιμαντρίτης τῆς Ταῶς). В 1680 г. 179 монахов монастыря стали новомучениками, потерпев жестокую казнь от османских властей. Не обнаружившимися ли контактами с вынашивавшими планы греческого освобождения представителями западноевропейской греческой диаспоры объясняется подобная жестокость в отношении насельников этой обители?

Писавший в 1655 г. трансильванскому князю Дьердю II Ракоци молдавский господарь Георгий Стефан обвинял «интригана», называющего себя архимандритом, в том, что тот перессорил все государ-

ства, переезжая от московского царя к иерусалимскому патриарху, а от него к грекам, от греков же к константинопольскому патриарху, а потом к сербам и боснийцам до Швеции, оттуда же — к казакам, а затем к валашскому господарю. Командовавший трансильванскими войсками Янош Борош тогда же сообщал своему правителю о том, что именно благодаря этому «казацкому попу», который «знает все секреты московского царя и казацкого гетмана», состоялся договор между Хмельницким и царем, и что он готов принять меры к тому, что тот «исчезнет», и от него более «не будет исходить опасность» (Okmánytár II. Rákóczy György diplomáciai összeköttetéseihez / Ed. S. Szilágyi. Budapest, 1874 (Monumenta Hungariae Historica. Ser. I. Diplomataria, 23). P. 223—224, 232—233. Сообщено Г. Карманом). Судя по всему, эти враги Даниила Грека преувеличивали его роль как в переходе Войска Запорожского под власть царя (Даниил появляется при Хмельницком лишь летом 1654 г. уже после Переяславской рады), так и в оказываемом им влиянии на европейскую политику. Антиосманские планы Даниила Грека в то время так и остались нереализованными, а дипломатическая активность не привела к созданию коалиции, способной противостоять Высокой Порте.

Чеснокова Н.П.

Анания Византиец и Иоанникий Ласкарис в просопографии синайских архиепископов

В силу особых отношений России и архиепископии Синайской горы просопография синаитов является важной частью просопографии всего Христианского Востока. В последние годы к существующим трудам, реконструирующим биографии синайских отцов (См. например: Παπαστράτου Ντ. Ὁ Σιναΐτης Χατζηκυριάκης ἐκ Χώρας Βουρλᾶ. Ἀθήνα, 1981; Фонкич Б. Л. Синаит Хадзикирьякис (несколько дополнений к биографии) //Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4. С. 206—213), добавились новые (Чеснокова Н.П. Синайский архимандрит Кирилл ; (Старый) и его знакомые в Москве //Каптеревские чтения. М., 2013. Вып. 11. С. 162—180; она же. Синайский архиепископ Анания: заметки к просопографии //Каптеревские чтения. М., 2014. Вып. 12. С. 60—81). При этом исследователи отме-